

УДК 94(47).084.2

*П.Н. Гордеев***АКТРИСА И РЕВОЛЮЦИЯ: Е.Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА В 1917–1918 гг.**

Статья посвящена изучению политических взглядов и общественной деятельности выдающейся русской актрисы Е. Н. Рощиной-Инсаровой в 1917–1918 гг. Показано, что артистка, находившаяся в начале 1917 г. на вершине славы, приняла Февральскую революцию, но стала непримиримой противницей большевистского переворота, что сблизило ее в конце 1917 г. с частью театральной труппы. Среди причин ее ухода в марте 1918 г. из театра отмечены не только соображения финансового порядка (частные театры предлагали более высокий оклад), но и разочарование, связанное с падением дисциплины в театре, в том числе, среди технического персонала. Автор приходит к выводу о том, что поведение Е. Н. Рощиной-Инсаровой в период революции представляло собой один из наиболее последовательных примеров сопротивления большевизму среди русских артистов.

Ключевые слова: Е.Н. Рощина-Инсарова, Александринский театр, революция 1917 г. в России, артисты, большевики.

Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (1883–1970, настоящая фамилия – Пашенная, по мужу – графиня Игнатъева) – одна из наиболее значительных русских актрис начала XX столетия. Представительница славной театральной династии, дочь известного актера Н. П. Рощина-Инсарова (Пашенного) и сестра народной артистки СССР В. Н. Пашенной, Е. Н. Рощина-Инсарова начала актерскую карьеру в 1897 г., а в 1913 г. поступила в императорский Александринский театр [1. С. 674-675], где сразу заняла исключительное положение, получая накануне революции самый высокий оклад жалованья – 18 000 руб. в год (для сравнения: знаменитый В. Н. Давыдов, которого называли «первым русским актером», имел 16 000 руб. в год, Ю. М. Юрьев – 12 000 руб., режиссер В. Э. Мейерхольд – всего 4 000 руб. [2. Л. 2-2об]). О незаурядном таланте артистки вспоминали многие ее коллеги: «Это было прекрасное, трепетное, оригинальное дарование» [3. С. 278], «артистка выдающегося таланта <...> Какую бы роль она ни играла, отличительной чертой ее изображения было острое чувство стиля» [4. С. 536], «такие большие имена, как Рощина-Инсарова и Комиссаржевская» [5. С. 99]. Хотя В. Н. Пашенная и писала в мемуарах о своей сестре-эмигрантке: «Ее большой талант “сгнил на корню” <...> если бы нам когда-нибудь пришлось встретиться, мы не смогли бы понять друг друга», – тем не менее, она признавала: «Это была исключительная, богато одаренная натура» [6. С. 12, 15].

Занимая, таким образом, положение ведущей актрисы старейшего русского театра, имевшая большой успех у публики и признание у товарищей по сцене, Е. Н. Рощина-Инсарова встретила Февральскую революцию на вершине своей славы. Период с марта 1917 г. по март 1918 г. – важнейший, в ее биографии. Именно в этот год артистка принимает решение уйти из Александринского театра и начать свой, растянувшийся на десятилетия, путь скитаний – сначала по частным сценам России, охваченной Гражданской войной, затем – по городам и странам зарубежья. Этот переломный этап ее жизни и деятельности до сих пор практически не изучен. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел и показать, как воспринимала знаменитая актриса революционные события 1917–1918 гг. и как откликнулась на их преломление в театральной и общественной жизни.

Начавшаяся в бывших императорских, а затем, после Февральской революции, государственных театрах череда выборов в органы самоуправления труппы привела к определенной изоляции относительно чуждой театру артистки (присоединившейся к коллективу александринцев сравнительно недавно). Хотя Е. Н. Рощина-Инсарова и участвовала в актерских собраниях [7. Л. 271; 8. Л. 17] и была в числе 13 актеров избрана в возникший в начале марта Временный организационный комитет Александринского театра [9. С. 8], но в дальнейшем не попала ни в образованный труппой в конце марта Репертуарный совет [10. С. 5; 11. С. 7], ни в Художественно-репертуарный комитет, избранный спустя 5 месяцев [12. С. 9].

При этом актриса, по-видимому, искренне приветствовала назначение на должность главноуполномоченного по государственным театрам Ф. Д. Батюшкова, представлявшего в театрах новый режим, власть Временного правительства: «Позвольте <...> выразить Вам живейшую радость по поводу Вашего согласия принять на себя тяжелую должность – руководителя Государств[енных] театров» – писала Е. Н. Рощина-Инсарова Ф. Д. Батюшкову в личном письме 10 мая. «Слава Богу, нако-

нец-то во главе театра станет настоящий культурный человек! Приветствуя Вас от всей души, боюсь все-таки, что та масса скверны и пакости, что скопилась около многострадального Русского театра, оскорбят Вашу деликатность душевную и, мож[ет] быть, наступит момент, когда Вы раскаетесь, что взяли на себя тяжелое бремя и уйдете... Не делайте этого, умоляю Вас... <...> У Русского театра сейчас великие горизонты, настал момент, когда он должен сыграть громадную роль в созидательной жизни страны. Театр сейчас – культурное орудие, сдерживающий элемент, песня об человеческой индивидуальности, и я счастлива, что во главе большого Русского театра станет хороший человек... Дай Вам Бог силы и твердости!» [13. Л. 5-6об]. 12 мая Ф. Д. Батюшков ответил актрисе: «Меня очень тронуло Ваше письмо и я не знаю, как благодарить Вас за доверие. Я долго не решался принять должность, которая, при теперешних обстоятельствах, конечно, не без терниев, но любовь к театру и вера, что в каждом настоящем артисте есть та искра священного огня, которая его самого возвышает над дрызгами жизни, превозмогли мою нерешительность. <...> Среди трудностей дела вдохновляет Ваш ласковый привет» [14. Л. 9-9об].

Если конец весеннего сезона 1917 г. был для многих артистов, как и для широких кругов русской общественности, временем надежд, то летом и осенью среди интеллигенции, как известно, стало расти разочарование ходом революции. У актеров государственных театров оно выразилось, в частности, в стремлении уйти на частную сцену, где больше платили и где, под присмотром антрепренеров, все еще сохранялся некоторый порядок [15. С. 4]. Поддалась этому настроению и Е. Н. Рощина-Инсарова. А. Р. Кугель, описывая на страницах издаваемого им «Театра и искусства» распад труппы Александринского театра, отмечал (в номере, вышедшем 1 октября): «Е. Н. Рощина-Инсарова, как передают в театральных кружках, ищет театрального помещения для себя» [16. С. 692]. 18 октября писательница С. И. Смирнова-Сазонова, мать актрисы Александринского театра Л. Н. Шуваловой, записала в дневнике (вероятно, со слов дочери): «Труппа сейчас уже распадается. Рощина подписала контракт с нов[ым] театром, кот[орый] откроется в бывш[ем] Малом театре в Пет[рограде]. “Меня все, говорит, корили, что я получаю в казен[ном] театре 24 тысячи, а тут мне дают 36 тысяч”. Частн[ые] театры платят больше, и начинается тяга актеров туда» [8. Л. 447-448]. Как уже говорилось, в начале 1917 г. оклад Е. Н. Рощиной-Инсаровой составлял 18 000 руб.; возможно, здесь имеется в виду какое-то дополнительное содержание, получаемое артисткой помимо оклада. В дневниковой записи, которую С. И. Смирнова-Сазонова сделала 28 ноября, речь шла уже об обещанном Е. Н. Рощиной-Инсаровой гонораре в 45 тыс. [17. Л. 66].

Большим ударом для Е. Н. Рощиной-Инсаровой стала Октябрьская революция, в особенности – уличные бои в Москве. 1 ноября С. И. Смирнова-Сазонова записала: «Рощина, узнав, что творится в Москве, зарыдала. Там живут все ее близкие. Она завтра же едет в Москву, хотя там, говорят, вокзал отрезан от города, и жел[езно]дорожные служащие нескол[ько] дней не видят св[ои] семьи» [17. Л. 8]. После этой поездки актриса, пораженная зрелищем разрушений в древней столице и охваченная беспокойством за судьбу живших там сестры и матери, заболела на нервной почве (с ней «сделался острый припадок астмы») и даже вынуждена была отказаться от выступления в очередном спектакле в Александринском театре [18. С. 4]. При посещении Первопрестольной Е. Н. Рощина-Инсарова не только провела близких, но и поработала «связной» между Ф. Д. Батюшковым и уполномоченным по Малому театру А. И. Сумбатовым-Южиным. Последний писал Ф. Д. Батюшкову 12 ноября: «С 8-го по сегодняшний день, послав Вам телеграмму вместе с Павловским, и “с оказией”, через Е. Н. Рощину, резолютивную выписку из протокола, занялся подготовкой прилагаемых документов» [19. Л. 6]. (Упомянутый в тексте оперный певец Ф. В. Павловский – активный деятель артистического самоуправления, занимавший в 1917 г. выборную должность управляющего государственным Большим театром [20. С. 106-107]). Отметим, что настроение обоих корреспондентов и содержание их переписки было определенно антибольшевистским (пересылаемый протокол общего собрания актеров Малого театра провозглашал, по словам А. И. Сумбатова-Южина, бывшего инициатором этого собрания, «установление независимости Малого Театра от захватившей власть партии» [19. Л. 5об]) и неформальное содействие, оказанное им в тех условиях Е. Н. Рощиной-Инсаровой, с ее стороны являлось своеобразным политическим шагом.

В конце 1917 г. актриса начинает активнее участвовать и в общественной жизни труппы, сопротивлявшейся приходу большевиков в государственные театры. Артисты Александринки «на случай возможных репрессий» выбрали «летучий комитет из 5 человек <...> кот[орые] будут объединять труппу, и сноситься с ней. А если эт[от] комитет будет арестован, то выбрали и кандидатов, кот[орые]

должны его заменить – сюда попала Рощина. Словом, мобилизуются для войны» – отмечала 11 декабря С. И. Смирнова-Сазонова [17. Л. 102-103]. Сама Е. Н. Рощина-Инсарова много позднее вспоминала о своем непримиримом настроении в то время: одна из бывших политических ссыльных передала ей приглашение от А. В. Луначарского, желавшего «познакомиться и поговорить частным образом» с актрисой, на что она ответила: «передайте этой торжествующей свинье, что жизнь длинна, что я, может быть, приду к нему просить продовольственную карточку, может быть, милостыню придется просить, не знаю, но об русском театре я с ним разговаривать не приду, пусть не ждет» [21].

Политические потрясения, коснувшиеся, прежде остальных, государственных театров, укрепили артистку в ее намерении покинуть казенную сцену. К этому примешивались причины финансового порядка, и разногласия с управляющим труппой Е. П. Карповым, и убеждение Е. Н. Рощиной-Инсаровой в том, что «ее в Александринке не ценят» [17. Л. 66]. Не меньшую роль, однако, играл начавшийся распад сложного механизма государственных театров, существенное влияние на жизнь которых стали оказывать театральные рабочие. Уже на склоне лет, в эмиграции, актриса поведала интервьюеру потрясший ее до глубины души инцидент, произошедший в начале 1918 г. Во время представления «Грозы» А. Н. Островского Е. Н. Рощина-Инсарова, исполнявшая роль Катерины, «сидела на первом плане... Это, так сказать, кредо всей роли, все то, что Катерина собой представляет, она рассказывает, очень важный монолог <...> И вдруг на первый план, в нескольких аршинах от меня, вылезла какая-то девица в ситцевой кофточке, с рукой полной семечек. И стояла на первом плане на сцене. Я ей, закрыв так лицо, незаметно для публики, сказала: “Уйдите отсюда!” Она захохотала. Тогда я рабочему, который в кулисе, сказала: “Уберите ее!” Рабочий махнул рукой и захохотал. Ну, как я кончила первый акт, я не помню. Вы сами можете понять состояние актрисы, когда видишь такое безобразие, которое творится на сцене».

Во время антракта артистка потребовала вызвать рабочих на сцену и «сказала им все то, что я о них думала, в довольно резкой форме», после чего «выступил старший рабочий и говорит:

– Катерина Николаевна, теперича кричать нельзя! Теперича мы все равны.

Вот тут я уже вышла совершенно из себя. Я говорю:

– Что!? Ты со мной равен!?

Схватила свой головной убор, довольно тяжелый, золотом шитый кораблик, сорвала с головы. Кинула ему в лицо, сказала:

– Играй сам, мерзавец, второй акт, если ты со мной равен! Пусть на тебя смотрят!».

Затем Е. Н. Рощина-Инсарова, согласно ее воспоминаниям, после случившейся с ней истерики добилась вторичного вызова рабочих на сцену, заставила их снять сапоги, загнала в заднюю кулису и сказала: «Если хоть один мерзавец перейдет вот за эту черту – убью!» [21]. Эта история еще более убедила актрису в необходимости уходить из Александринского театра.

Окончательно решение было принято в начале марта 1918 г., когда группа выдающихся актеров, считавшихся по отношению к новой власти «непримиримыми» (в их числе Е. Н. Рощина-Инсарова) посетила, с целью переговоров, поставленного большевиками заведующего подотделом петроградских государственных театров Народного комиссариата имуществ Республики И. В. Экскузовича и была принята им, по словам С. И. Смирновой-Сазоновой, «оч[ень] любезно». Это вызвало противодействие пробольшевистской «партии» Александринского театра во главе с В. Э. Мейерхольдом и актером Д. Х. Пашковским, которая добилась, чтобы на второй день переговоров «премьеров приняли в конторе так, что они стали подавать в отставку» [17. Л. 291, 293]. Заявления об отставке, подписанные Е. Н. Рощиной-Инсаровой, Н. М. Железновой, Н. Г. Коваленской, Е. И. Тиме, Н. С. Барабановым, Е. П. Студенцовым и Ю. М. Юрьевым, были оглашены 12 марта на общем собрании труппы Александринского театра [22. С. 4].

Сохранившееся в личном деле Е. Н. Рощиной-Инсаровой заявление датировано 27 февраля, однако, артистка продолжала пользоваться старым стилем (С. И. Смирнова-Сазонова в своем дневнике относит переговоры с И. В. Экскузовичем, которые привели к отставкам, к 11-12 марта нового стиля); по григорианскому календарю этот документ следует датировать 12 марта. В нем говорилось: «Прошу Общее Собрание не считать меня на службе в Александринском Театре, возглавляемом ныне действующим Временным Комитетом» [23. Л. 56]. («Временный комитет» по управлению Александринским и Михайловским театрами был сформирован в январе 1918 г. группой актеров, поддержавших большевиков [24. С. 38]). Е. Н. Рощина-Инсарова получила расчет по 9 марта 1918 г. [23. Л. 56об] и затем (как оказалось – навсегда) ушла из Александринского театра. Так закончился для нее, талант-

ливой и признанной публикой артистки, пятилетний период службы на старейшей в России, «образцовой» сцене. Позднее Е. Н. Рощина-Инсарова вспоминала, как осенью 1918 г. к ней явилась, в качестве делегата от рабочих театра, сторожика, и уговаривала вернуться: «Очень по Вас рабочие страдают. Очень страдают, что Вы ушли. Говорят, она иногда и ругнет, но ведь она и пожалеет, и присоветует что-нибудь. И, опять же, без языка сидим на общих собраниях. Так что вот не можете ли Вы... уж забудьте, ну что... Извиняются, просят прощения, просят вернуться». Однако Е. Н. Рощина-Инсарова отказалась возвращаться в театр («Нет, очень жалею, кланяйтесь им всем от меня, злобы на них не питаю, но не вернусь») [21].

Спустя год после ухода с казенной сцены актриса вместе с мужем, графом С. А. Игнатьевым, покинула Россию [25. С. 654].

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, мы констатируем сравнительную изоляцию артистки в труппе: она не была избрана в целый ряд органов актерского самоуправления, хотя по положению «премьерши», должна была бы входить в их состав. Во-вторых, выразив горячую поддержку представителю Временного правительства в государственных театрах (Ф. Д. Батюшкову), она категорически не приняла большевистский переворот, что сблизило ее с «непримиримой» частью труппы (это выразилось в избрании Е. Н. Рощиной-Инсаровой кандидаткой в состав «летучего комитета» в декабре 1917 г.). В-третьих, уже осенью 1917 г. актриса принимает принципиальное решение оставить в будущем Александринский театр, получив более выгодное, в финансовом смысле, предложение (дала согласие московским антрепренерам, арендовавшим петроградский Малый (Суворинский) театр, перейти к ним и одновременно вела переговоры с труппой Троицкого театра, желая арендовать его до конца сезона; в итоге труппа сочла предлагавшиеся актрисой условия «совершенно неприемлемыми» [26. С. 4; 27. С. 4]). При этом, вплоть до марта 1918 г., Е. Н. Рощина-Инсарова все же испытывала колебания, не решаясь окончательно порвать со старейшим русским театром (да и перспективы частной антрепризы, в свете политики большевиков, выглядели туманными). В-четвертых, одной из причин окончательного ухода Е. Н. Рощиной-Инсаровой с бывшей «императорской» сцены (весной 1918 г.), стал развал дисциплины в театрах, начавший уже в марте 1917 г. и усилившийся после Октябрьской революции, когда успех постановки порой зависел от отношения к ней театральных рабочих.

Путь, пройденный Екатериной Николаевной Рощиной-Инсаровой за год после Февральской революции, был одновременно и типичным, и нетипичным для русской актерской среды – в такой же степени, в какой двойственность вообще была свойственна положению «премьерши», которая одновременно и «лицо» театра и стоит относительно всей труппы, особняком. Типичное и нетипичное поведение проявлялось и в ее поступках: приветствия «февральскому» режиму и решительное осуждение большевизма – в первом случае (так реагировало на Февраль и Октябрь большинство интеллигентов, в том числе, разумеется, и артистов), уход из театра, а затем и отъезд из страны – во втором. И если Е. Н. Рощина-Инсарова имела каждый раз и причины неполитического порядка, чтобы поступить так, а не иначе (высокий оклад, предлагавшийся в Малом театре, затем опасность для ее мужа, представителя титулованной знати, оставаться в Советской России), в целом ее поведение во время революционного года представляло собой один из наиболее последовательных примеров сопротивления большевизму среди деятелей русской сцены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. С. Г. [Ганцевич С. М.] Рощина-Инсарова, Екатерина Николаевна // Театральная энциклопедия. М., 1965. Т. IV. С. 674-675.
2. Переписка с администрацией русской драматической труппы // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 6. Д. 5120.
3. Смирнова Н. А. Воспоминания. М., 1947. 440 с.
4. Юрьев Ю. М. Записки. Л.-М., 1948. 719 с.
5. Мичурин-Самойлова В. А. Шестьдесят лет в искусстве. Л.-М., 1946. 225 с.
6. Пашенная В. Н. Искусство актрисы. М., 1954. 266 с.
7. Смирнова-Сазонова С. И. Дневник за 1917 год // Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 285. № 65.
8. Смирнова-Сазонова С. И. Дневник за 1917 год // РО ИРЛИ. Ф. 285. № 66.
9. Временный организационный комитет александринцев // Петроградский листок. 1917. 7 марта. С. 8.
10. Выборы репертуарного совета. Избрано семь артистов // Петроградская газета. 1917. 29 марта. С. 5.
11. Репертуарный совет Александринского театра // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 30 марта. С. 7.

12. Выборы в художественный репертуарный комитет // Петроградская газета. 1917. 27 августа. С. 9.
13. *Батюшков Федор Дмитриевич*. Письма к нему (6) разных лиц: Н. Н. Ходотова, Е. Вольф-Израэль. Е. Рошиной-Инсаровой, А. Dubosc, Е. Brouette, Н. Roggers // РО ИРЛИ. № 15630.
14. Альбом Е. Н. Рошиной-Инсаровой 1893–1917 гг. // Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина. Ф. 210. № 1049.
15. Театрал. Отставка И. В. Лерского. (Беседа с артистом) // Петроградская газета. 1917. 5 октября. С. 4.
16. Номо novus [Кугель А. Р.] Заметки // Театр и искусство. 1917. № 40. С. 691-693.
17. *Смирнова-Сазонова С. И.* Дневник за 1917 год // РО ИРЛИ. Ф. 285. № 67.
18. Отголоски Москвы // Петроградская газета. 1917. 18 ноября. С. 4.
19. *Сумбатов-Южин Александр Иванович*. Письма (4) к Батюшкову Ф. Д. // РО ИРЛИ. № 15227.
20. *Гордеев П. Н.* «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 97-166.
21. Русская смута устами проигравших. К 95-летию революции. Актриса Екатерина Николаевна Рошина-Инсарова URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24783197.html> (дата обращения: 22.12.2014).
22. Театр и музыка // Наш век. 1918. 14 марта. С. 4.
23. О службе артистки русской драматической труппы Екатерины Николаевны Рошиной-Инсаровой // РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 911.
24. *Золотницкий Д. И.* Академические театры на путях Октября. Л., 1982. 343 с.
25. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь в 3-х т. М., 2010. Т. 2. 683 с.
26. Театральный курьер // Петроградский голос. 1918. 21 марта. С. 4.
27. Бегут! // Петроградский голос. 1918. 23 марта. С. 4.

Поступила в редакцию 13.01.15

P.N. Gordeev

THE ACTRESS AND THE REVOLUTION: E. N. ROSCHINA-INSAROVA IN 1917–1918

The purpose of this article is to study the political views and social activity of the outstanding Russian actress E.N. Roschina-Insarova in 1917 – 1918 years. It is shown that the actress, who in early 1917 was on top of the glory, accepted the February Revolution, but was an implacable opponent of the Bolshevik revolution that in late 1917 brought her together with a part of the troupe. It is pointed out that among the reasons of Roschina-Insarova leaving the theater in March 1918 there were the financial considerations (private theaters offered a higher salary) as well as frustration associated with the decline of discipline in the theater, including the technical staff. It is concluded that the behavior of E.N. Roschina-Insarova during the revolution represented one of the most consistent examples of resistance to Bolshevism among Russian artists.

Keywords: E.N. Roschina-Insarova, Alexandrinsky theatre, Russian Revolution of 1917, artists, Bolsheviks.

Гордеев Петр Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»
191186, Россия, г. Санкт-Петербург,
Набережная р. Мойки, 48
E-mail: petergordeev@mail.ru

Gordeev P.N.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of History
 Herzen State Pedagogical University of Russia
the Quai of Moika river, 48, Saint-Petersburg,
Russia, 191186
E-mail: petergordeev@mail.ru